

УДК 82-192.2

<https://doi.org/10.36906/NVSU-2022/64>

Любарский Р.В., канд. филол. наук, ORCID: 0000-0002-9129-0124,

Средняя общеобразовательная школа №57

г. Брянск, Россия

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА АДСКОГО ПСА В РОК-ПОЭЗИИ МАЙИ КОТОВСКОЙ, РОМАНАХ ПАУЛО КОЭЛЬО И КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

Аннотация. В статье исследована песня Майи Котовской «Сообщение о делах в Юкатане» как художественное пространство для воплощения образа адского пса посредством мотива оборотничества. Выявлено художественное моделирование свойств образа адской гончей в виде демонического пса, имеющего ирреальную сущность, в романе Пауло Коэльо «Дневник мага» и Карлоса Кастанеды «Второе Кольцо силы».

Ключевые слова: Карлос Кастанеда; Пауло Коэльо; Майя Котовская; художественное моделирование; образ адского пса; рок-поэзия

Образ адского пса или адской гончей является составным элементом мифологии разнообразных народов. Адский пес представляет собой трансцендентное создание, принимающее облик собаки. Данный образ непосредственно связан со сверхъестественной реальностью, чаще всего представленной в виде мира мертвых, в котором ирреальный пес выполняет определенные обязанности. При этом адская гончая наделена огромной силой и призрачной сутью. Образ inferнального пса находит отражение, прежде всего, в мифах и легендах Древней Греции. При описании мрачного царства мертвых Аида упоминается обитающая там покровительница всех чудовищ Геката, образ жизни которой сопряжен со сверхъестественными псами: «Над всеми привидениями и чудовищами властвует великая богиня Геката. Три тела и три головы у нее. Безлунной ночью блуждает она в глубокой тьме по дорогам и могилам со своей ужасной свитой, окруженная стигийскими собаками» [6, с. 27]. Стигийские псы – чудовищные собаки, живущие на берегах ключевой реки владений Аида – Стикс. Данный аспект свидетельствует об ирреальности этих существ. Стоит отметить связь стигийских псов с трансцендентным существом Гекатой как с отрицательным персонажем мифологической системы древних греков. Неслучайно данная богиня насылает на смертных тяжкие сны, а также сводит людей в могилу. Место обитания Гекаты и ее спутников, связанное с мрачной стороной реальности мертвых, а также губительная сущность богини свидетельствует об inferнальной природе адских псов. Таким образом, основными чертами, благодаря которым в древнегреческой мифологии реализуется образ адской гончей, является связь стигийских псов с потусторонним миром, а также их inferнальность.

В «Старшей Эдде», в которой содержатся составные части скандинавской мифологии, роль адской собаки выполняет Гарм. Пес Гарм охраняет Хельхейм – мир умерших, которым

управляет богиня смерти Хель. В «Прорицании вельвы» упоминается проявление негативной стороны этого пса:

Трепещет Иггдрасиль,
Ясень высокий,
Гудит древесный ствол,
турс вырывается.

Гарм лает громко
У Гнипахеллира,
привязь не выдержит –
Вырвется Жадный [1, с. 212].

Гнипахеллир – мифологическая обитель Гарма, где он, прикованный, сторожит Хельхейм. Однако освобождение этого пса сопряжено с Рагнареком – концом света. О предполагаемом Рагнареке свидетельствует «трепетание» Мирового дерева, соединяющего девять миров. Эпитет «Жадный», в свою очередь, содержит отрицательную коннотацию, выражающуюся в предполагаемых действиях Гарма во время конца света. Скорее всего, данный адъектив относится к сущности убийцы скандинавского пса, который впоследствии уничтожит бога чести и войны Тюра. Тем самым Гарм представляет собой трансцендентного пса, относящегося к реальности смерти Хель, который обладает смертоносной функциональной особенностью. При этом разрушительная суть Гарма в синтезе с его принадлежностью к реальности мертвых делает этого мифологического персонажа, как и древнегреческих стигийских псов, inferнальным существом. Однако обязанность охранять мир Хель также является признаком, который определяет его как адскую собаку.

О.А. Плахова в статье «Отражение народных представлений о Дикой Охоте в сказочной картине мира» рассматривает представление о мифологической группе персонажей «Дикая Охота» как часть английской лингвокультуры. Исследователь делает вывод о том, что «под влиянием христианства образ Дикого Охотника сливается с образом дьявола, собирающего души грешников, или с образом умершего, бросившего вызов Богу» [8, с. 376]. Адский образ Дикого Охотника предполагает соответствующую свиту. Спутниками Охотника являются адские псы: «В своре Дикого Охотника, по народным поверьям, присутствуют демоны, в чьи обязанности вменяется преследование душ грешников: they are always supposed to be evil spirits hunting the souls of the dead («SpectreDogs»)). Таких собак называют адскими псами (Devil's dandy dogs, hell-hounds). Другой функцией собак-призраков считается предзнаменование беды, чаще смерти (Wish Hounds, the Seven Whistlers, Gabriel Hounds, Cwn Annwn)» [8, с. 377]. Адские псы «Дикой Охоты» обладают категорией призрачности, а также ассоциируются с инобытийным миром inferнального характера. Об этом говорит их непосредственное подчинение Дикому Охотнику, олицетворенному с собирающим души дьяволом. При этом губительный аспект функциональных особенностей роднит адских гончих «Дикой Охоты» со скандинавским псом Хель Гармом. Таким образом, образ адской гончей воплотился в скандинавской, древнегреческой мифологии, а также в английской лингвокультуре как

обладатель специфических функций, сопряженный со сверхъестественной inferнальной действительностью. При этом образ трансцендентного пса основан на его отнесенности к могущественному ирреальному субъекту отрицательной природы.

В классической немецкой литературе образ адского пса реализуется в мотиве оборотничества. Причем оборотническими функциями обладают инобытийные субъекты определенного характера. Персонаж произведения И.Гете «Фауст» доктор Фауст встречается черного пса – пуделя. Однако, в отличие от своего спутника Вагнера, Фауст замечает магическую сущность собаки:

Фауст

Кругами, сокращая их охваты,
Все ближе подбирается он к нам.

И, если я не ошибаюсь, пламя
За ним змеится по земле полян.

<...>

Как он плетет вокруг нас свои извивы!

Магический их смысл не так-то прост [2, с. 43].

Следовательно, данный пудель имеет мистические способности. При этом О.А. Плахова отмечает, что «в более поздних представлениях, распространенных в Девоне и Уэльсе, дикая свора собак во главе с Охотником трансформируется в черную карету смерти с упряжкой черных лошадей, погоняемых безголовым кучером, впереди которой бежит черная гончая» [8, с. 378]. Черный цвет пуделя Гете, а также его мистическая основа соответствует позднему восприятию образа адской гончей в фольклорной традиции Британии. Под личиной пса скрывался Мефистофель – злой дух, имеющий отношение к аду. Исходя из этого, черный пес демонизируется автором. Гете поясняет:

Мефистофель

(входит, когда дым рассеивается, из-за печи
в одежде странствующего студента)

Что вам угодно? Честь

Представиться имею.

Фауст

Вот, значит, чем был пудель начинен!

Скрывала школяра в себе собака [2, с. 49].

Черный пудель типологически схож с фольклорным образом адской гончей не только общностью цветового сегмента, но и за счет демонической сути Мефистофеля, замаскированного под этот облик. Демонизация черного пса Гете осуществляется за счет соотношения злого духа с преисподней, а также за счет его специфической функциональной особенности. Автор делает единым целым образ сверхъестественного персонажа, обитающего в аду, и предполагаемый элемент его inferнальной свиты на основании общей функции, описанной О.А. Плаховой, – охота на грешников. Неслучайно Мефистофель будет пытаться заполучить душу Фауста и отправить ее в ад. При этом автор посредством мистической

сущности Мефистофеля приписывает собственному адскому псу способность породить пламя и магические «извивы». Таким образом, идентичность собаки Гете и образа адского пса реализуется с помощью inferнальной основы самого Мефистофеля: злой дух, обладая определенными чертами, способствует наделению собаки inferнально-мистическими свойствами.

В рок-поэзии Майи Котовской (Канцлера Ги) прослеживается сходный с творчеством И.Гете принцип художественного моделирования образа адского пса. В песне «Сообщение о делах в Юкатане» в облике демонической собаки перед лирическим героем предстает бог Тескатлипока:

Мои веки истекут соком,
А из сока прорастут маки,
Бог ночных видений Тескатлипока
Подойдет в обличье чёрной собаки... (<https://clck.ru/pSP7A>)

Трансформация Тескатлипоки неслучайна. Канцлер Ги перенимает способность этого бога к метаморфозам из ацтекской мифологической системы. Метаморфическая функция Тескатлипоки приводит к образованию отдельных составляющих мироздания. Так, «в ацтекских мифах говорится о том, что боги Кецалькоатль и Тескатлипока разрывают на части богиню Тлатекутли. Волосы ее превращаются в деревья, цветы и траву, глаза становятся родниками, рот – реками, плечи – горами» [7, с. 172]. Образ Тескатлипоки имеет негативный оттенок как в произведении Канцлера Ги, так и в ацтекском мифологическом пространстве. Наделение Канцлером Ги данного бога властью над ночными видениями коррелирует со спецификой божественной деятельности древнегреческой Гекаты, насылающей тяжкие сны. Петухова Л.О., в свою очередь, через семантику конкретного ацтекского имени раскрывает мифологическую сущность Тескатлипоки: «Йаотль – “враг” – может быть ассоциировано с одним из многочисленных эвфемистических обозначений могущественного бога Тескатлипоки. Однако даже в этом случае может иметь место обыкновенное совпадение, поскольку Тескатлипока, как правило, именуется не просто Йаотль, а Некокок Йаотль, т.е. “враг с обеих сторон”. Эвфемистические наименования богов, особенно столь гневливых и мстительных, как Тескатлипока, относятся к наиболее устойчивым конструкциям» [7, с. 132].

Мистическая сила Тескатлипоки, направленная на причинение зла людям, делает черного пса, внешность которого носит ацтекский бог, представителем злых магических сил. Однако бог принимает личину не совсем обычной трансцендентной собаки. В устном народном творчестве южной Мексики и Центральной Америки существует поверье об адской гончей, именуемой Кадехо. Этот адский пес имеет вид большой чёрной собаки, которая преследует путников ночью на дорогах. Котовская соединяет данную особенность Кадехо с мифологическим образом Тескалипоки:

Будем мы друг другу подмогой,
Побежим по тёплому следу,
Кто поехал вечерней дорогой
Тот к утру уже, боюсь, не доедет! (<https://clck.ru/pSP7A>)

Рок-поэтическая модель Кадехо наделена Котовской предназначением нести смерть. Именно поэтому люди, путешествующие по «вечерней дороге», при встрече с черной собакой рискуют не дожить до утра. Данный аспект сближает адского пса Канцлера Ги с разрушительным потенциалом скандинавской адской гончей Гарма, а также с адскими псами «Дикой Охоты». Согласно южноамериканскому представлению, за образом Кадехо может скрываться дьявол. Причем властелин ада предстает в качестве огромного раненого пса с ногами-копытами, скованными раскаленными цепями. Котовская посредством замещения дьявола на Тескатлипоку, который внешне выглядит как черный пес, сохраняющий свои мистические особенности, придает художественно воплощенному Кадехо инфермальную природу. Данный аспект делает возможным отнесенность черного пса-Тескатлипоки к адской реальности. Следовательно, Канцлер Ги моделирует образ адского пса за счет синтеза южноамериканского представления о данном феномене и инферально-божественной сути Тескатлипоки, причиняющего вред человеку.

В романе Пауло Коэльо «Дневник мага» присутствует образ проклятой старой женщины и ее демонической собаки. Учитель Петрус и автор борются с ними с целью изгнать из старухи бесов. Ученик Петруса сражается посредством слов на неведомом языке: «Я видел надвигавшуюся на меня хозяйку, которая что-то истошно кричала и пыталась вытолкнуть меня за дверь <...>. Угрожающе ворча и щерясь, пес по-прежнему смотрел только на меня. Я попытался понять тот непонятный язык, на котором говорил, но стоило мне остановиться и задуматься об этом, как сила внутри меня убывала, а пес приближался ко мне» [5, с. 119]. Разговор на незнакомом наречии ассоциируется с магией, которую маг использует для противостояния с инфермальным псом. Главное назначение демона-пса – причинить вред магу, вселив в него страх. Следовательно, обладатель магических сил оказывается беззащитным перед собственными врагами. Коэльо раскрывает предназначение демона: «Я был очень удивлен, узнав, что демон этот примет обличье собаки, но тогда не стал ничего говорить тебе <...>. Пока ты не принял угрозы, ничто не угрожает тебе. Вступая в Правый Бой, никогда не забывай об этом. И о том, что отступление, так же как атака, – неотъемлемая часть боя. А вот леденящий, сковывающий страх – нет» [5, с. 174]. В битве с инферальной угрозой автор не продемонстрировал свой страх, а значит, победил в этом противостоянии.

Инферальный пес автора существует в пространстве романа, основанном на взаимодействии эзотерического и христианского вероучения. Встреча Петруса и его ученика с инфермальным псом стала своеобразной проверкой, с помощью которой несложно понять, чему научился с точки зрения магии автор. Данное испытание с одной стороны восходит к эзотерическим представлениям о магии, а с другой – к евангельскому рассказу об испытании Христа в пустыне, где проверялась на прочность его вера посредством искушения дьявола. Коэльо передает слова Петруса: «...каждый раз, когда проводник ведет пилигрима по Пути, они сталкиваются – хотя бы раз – с непредвиденной ситуацией. Ее смысл – практическая проверка того, чему научился паломник. В твоём случае подобной проверкой оказалась встреча с этим псом» [5, с. 123]. Тем самым, демон-пес Коэльо восходит к образу адской гончей благодаря своей принадлежности к инобытийному миру – аду. При этом демоническая

собака бразильского писателя обладает сверхъестественной силой, воздействующей на автора так, что его магия постепенно исчезала. Данный аспект вкупе с вредоносным назначением собаки также роднит ее с мифологическими образами адских гончих. Помимо этого, Коэльо моделирует принцип отнесенности мифического образа адской собаки к отрицательному трансцендентному персонажу, изображая рядом с демоном-псом старуху – его хозяйку.

Аналогичные образы описаны Кастанедой в произведении «Второе Кольцо силы». Автор изображает старуху донью Соледад, имеющую магическую силу воина (мага, человека знания и т.д.), и ее мистического пса. Карлос Кастанеда, как и герои романа Коэльо, вступает с ними в борьбу. Автор пишет: «Я стал дразнить собаку короткой палкой, в то же время пытаюсь освободить замок жердью. Пес едва не цапнул меня за руку, и я выронил короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими безмерными, что я чуть не потерял и длинную палку тоже <...>. Я почувствовал его лапы на моем плече и съежился от страха <...>. В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной» [3, с. 28]. В отличие от персонажа Коэльо, Кастанеда в битве с магическим псом проявил страх и слабость. При этом донья Соледад ввела кастанедовского воина в заблуждение, отрицая принадлежность пса к ней. В данном эпизоде Соледад реализовала концепцию «сталкинг сталкеров», сознательно обманув Кастанеду. С помощью «сталкинга», старуха впоследствии заставила кастанедовского мага испытать чувство страха. Страх способствует появлению бреши в энергетической структуре воина и делает его слабым. Однако пес оказался воином, который имеет определенные магические способности, что связывает его с адским псом Коэльо. Кастанеда поясняет: – Разве нагваль не учил тебя принимать свою судьбу? – спросила донья Соледад, следуя за мной по пятам. – Этот пес – не обычная собака. У него есть сила. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя, если нужно» [3, с. 30].

Встреча с доньей Соледад и ее псом также являлась испытанием для Кастанеды. Нагваль, учитель Кастанеды, умышленно не сообщил Соледад о страшном астральном дубле автора, чтобы его ученик сумел в достаточной мере проявить свои способности. Тем самым учитель предоставил автору возможность преодолеть сопряженное с доньей испытание с благоприятным исходом. Именно посредством астрального дубля, который является внутренней силой каждого мага, Кастанеда одолел донью Соледад. Таким образом, противостояние Петруса и его ученика со старухой и inferнальным созданием в произведении Коэльо связано со сражением Кастанеды с доньей Соледад и ее псом, исходя из мистической природы пса и старухи, магического назначения страха и осознания боя как испытания мага. Однако кастанедовского пса-воина роднит с составляющими мифического образа адской гончей способность причинить вред автору ирреальным способом, огромная физическая сила, а также наличие практически идентичной персонажу бразильского писателя владелицы данного животного – старой женщины доньи Соледад. При этом магическая составляющая пса доньи Соледад делает возможным его отнесенность к сверхъестественному миру, отличному от обывательского. Об этом свидетельствует изображение Кастанедой воина как путешественника в иные реальности. Переход в иные реальности достигается воином с помощью сновидения. Кастанеда пишет: «– Стань доступным Силе; ухватись за свои

сновидения, – сказал он в ответ. – Ты называешь их снами, поскольку не властен над ними. Воин – тот, кто ищет силу, и он не зовет это сном. Сновидения для него – реальность» [4, с. 107].

Анализ специфики художественного моделирования образа адской гончей в творчестве Канцлера Ги, Карлоса Кастанеды и Пауло Коэльо позволяет сделать следующие выводы:

1. В скандинавской и древнегреческой мифологии содержится традиционное представление о сущности образа адской гончей, которая обладает обязанностями мистического характера и принадлежностью к инфернальной действительности и соответствующему ей трансцендентному субъекту.

2. В рок-поэзии Майи Котовской прослеживается применяемый в творчестве И.Гете принцип метаморфозы инфернального персонажа в мистического пса, которого роднит с образом адской гончей магическая природа скрывающегося за ним субъекта.

3. В романе Пауло Коэльо «Дневник мага» образ адской гончей реализовался с помощью изображения демонического пса, связанного с адским миром.

4. В произведении Карлоса Кастанеды «Второе Кольцо силы» показан схожий с персонажем бразильского писателя воин-пес, обладающий магическими способностями, которые сближают его с ирреальным миром сновидения.

Литература

1. Беовульф; Старшая Эдда; Песнь о Нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. 864 с.
2. Гете И.В. Фауст: трагедия. М.: АСТ; Астрель, 2012. 461 с.
3. Кастанеда К. Второе Кольцо силы. М.: София, 2013. 288 с.
4. Кастанеда К. Путешествие в Икстлан. М.: София, 2013. 288 с.
5. Коэльо П. Дневник мага. М.: София, 2006. 336 с.
6. Кун Н.А. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М.: Правда, 1987. 576 с.
7. Петухова Л.О. Мотив метаморфозы в мифологии древних народов // Молодость. Интеллект. Инициатива. Материалы III Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов. 2015. С. 172-173.
8. Плахова О.А. Отражение народных представлений о Дикой Охоте в сказочной картине мира // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 3 (25). С. 376-380.

© Любарский Р.В., 2022